

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

**ТЕБЕ, ПОБЕДА,
ПОСВЯЩАЕТСЯ!..**

Методико-репертуарный сборник КДУ

«Великая Отечественная война навсегда останется священным подвигом нашего народа, она стала целой эпохой для нашей страны, а в подвигах фронтовиков и тружеников тыла проявилась истинная и жизненная сила людей...

Память о Великой Отечественной войне, о ее правде – это наша совесть и наша ответственность. Сегодня мы видим, как в ряде государств осознанно искажают события войны, как возводят в кумиры тех, кто, забыв про честь и человеческое достоинство, прислуживал нацистам, бесстыдно врут своим детям, предают своих предков.

Наш святой долг – защитить подлинных героев. Мы преклоняемся перед всеми ветеранами поколения победителей... Мы всегда будем чтить всех вас, прославлять Победу, которая была и остается одной на всех...»

**Президент Российской Федерации
В. В. Путин**

Уважаемые коллеги!

День Победы – это особая дата в жизни каждого россиянина. Война советского народа с фашистской Германией – самое кровопролитное и ужасное событие в истории человечества.

Великий героизм и отвага русского солдата подарили нам мирное небо. Подвиг миллионов людей навсегда останется в памяти ныне живущего поколения.

Каждый год, традиционно 9 мая по всей стране проходят празднования Дня Победы: парады военной техники, праздничные шествия, фейерверки, салюты, концерты. Люди возносят дань памяти павшим воинам-освободителям, возлагаются цветы к могиле Неизвестного солдата, мемориалам и памятникам, чествуются ветераны. С каждым годом уходят наши ветераны, чьи имена мы обязаны помнить. Потому уже доброй традицией стало проведение акции «Бессмертного полка». Это общественная акция, которая проводится в России и ряде стран ближнего и дальнего зарубежья для увековечивания памяти участников и жертв в Великой Отечественной войне.

День Победы – любимый праздник россиян, добрый и светлый, сколько радости и счастья в этот день испытывает каждый из нас, чувство гордости переполняет душу, когда видишь ветеранов, чья грудь увешана орденами и медалями, когда слышишь звуки победного марша и идущие колонны благодарных людей.

Требование времени, современных российских реалий все больше подводит нас к необходимости проявления патриотизма в новом формате, в формате мирных трудовых будней, научных достижений, культурных и спортивных побед, но память о героях мы должны чтить!

Данный методико-репертуарный сборник посвящен знаменательной дате – 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, кому обязаны своей памятью. В нем содержатся песни военного времени и стихи поэтов-юбиляров, прошедших войну, стихи поэтов-современников.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ КДУ

2020 год ознаменован Годом памяти славы, 75-летием Победы в Великой Отечественной войне. Сегодня мы должны понимать, что патриотизм может проявляться не только на поприще войны и военизированных дел и мероприятий, но и на поприще труда и созидания, творчества и образования, культуры и искусства.

Укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов РФ, воспитание нашей талантливой молодежи в патриотическом духе, реализация самых амбициозных задач нашего государства, которые раскрываются в подготовке и воспитании личности, готовой быть конкурентоспособной и востребованной в новом формате времени, – все эти постулаты заложены в Указе президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Патриотизм, любовь к своим истокам, семейные ценности, традиции народа, трудолюбие, помогающее выживать в суровых условиях гор, честь и совесть – это опоры народной философии.

Сегодня быть настоящим поэтом, настоящим артистом, настоящим учителем – это и есть быть патриотом России, быть верным сыном своей Родины, творцом ее настоящего и будущего.

Общественная палата Российской Федерации в августе 2019 года провела два крупных круглых мероприятия «Взаимодействие общественных организаций и органов исполнительной власти в вопросах увековечения памяти погибших при защите Отечества», в рамках которых приняты рекомендации, начала действовать федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019-2024 годы», которая утверждена постановлением Правительства РФ от 9 августа 2019 г. № 1036.

Задачи, стоящие перед работниками учреждений культуры, стоят следующие, необходимо:

- сохранение исторической справедливости в отношении победителей в Великой Отечественной войне и увековечение достойной памяти погибших при защите Отечества;

- вызвать у граждан исторический интерес к конкретному увековеченному месту, событию или личности для понимания отечественной истории, ее неразрывности и преемственности и дальнейшего развития страны; популяризации увековеченного места, исторического военного события или погибшего воина – защитника Отечества;

- реализовать просветительские проекты: передвижные выставки, интерактивные музеи и др.;

- тиражирование положительного опыта практик популяризации увековечения памяти погибших при защите Отечества и привлечения к этой работе молодежи;

- организация и проведение специальных мастер-классов по проведению исследовательской и поисковой работы с архивными документами;

- анализ реализуемых в регионе практик, содержащих информацию о выдающихся тружениках тыла и защитниках Отечества, значимых событиях и гражданах, чьи имена носят улицы населенных пунктов для выработки дальнейших методических рекомендаций.

Все эти рекомендации носят долгосрочный характер.

Предложенный репертуарный материал можно использовать для мероприятий патриотической направленности, а также в знаменательные дни календаря:

- конкурс патриотической песни «Песни о войне»;

- конкурс чтецов «Дети читают стихи о войне» и др.

МИРНАЯ ЖИЗНЬ ВОЕННОЙ ПЕСНИ «СПОЕМТЕ, ДРУЗЬЯ!..»

Каждый из нас знает, что Отечество – единственная уникальная для нас всех родина, данная судьбой, завещанная предками. На протяжении многих веков не раз приходилось людям отстаивать свободу и независимость своей Отчизны. В народе живет убеждение, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же. Патриотизм, любовь к Родине, преданность ей, стремление защищать её от врагов, своими делами служить её интересам – чувство великое и необходимое, чувство долга.

Песня имеет великую силу: она сплачивает, зовет в бой, дарит надежду...

Мы не должны забывать песни военного периода.

Предлагаем тематику военных песен, которые можно выучить наизусть и использовать в различных общих мероприятиях по патриотическому воспитанию в КДУ, центрах, образовательных учреждениях, школах искусств, лицеях культуры и т.д. Их можно разучивать и петь с листа.

Три танкиста

*Слова Бориса Ласкина,
музыка братьев Покрасс*

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.
Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силен,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон.
Там живут - и песня в том порука
Нерушимой, крепкою семьей
Три танкиста - три веселых друга
Экипаж машины боевой.
На траву легла роса густая,
Полегли туманы, широки.
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.
Но разведка доложила точно:
И пошел, командою взметен,
По родной земле дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи,
Под напором стали и огня.
И добили - песня в том порука -
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста - три веселых друга
Экипаж машины боевой!

Первым делом самолеты

*Музыка Соловьев-Седой,
слова Фогельсон*

Мы, друзья, перелетные птицы,
Только быт наш одним нехорош:
На земле не успеешь жениться,
А на небе жены не найдешь!
Потому, потому, что мы пилоты,
Небо наш... небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом самолеты
- Ну, а девушки? - А девушки потом.
Нежный образ в мечтах ты голубишь,
Хочешь сердце навеки отдать:
Нынче встретишь, увидишь, полюбишь,
А назавтра приказ - улетать.
Потому, потому, что мы пилоты,
Небо наш... небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом самолеты
- Ну, а девушки? - А девушки потом.
Чтоб с тоскою в пути не встречаться,
Вспоминая про ласковый взгляд,
Мы решили, друзья, не влюбляться
Даже в самых красивых девчат.
Потому, потому, что мы пилоты,
Небо наш... небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом самолеты

Священная война

Музыка Александра Александрова

Слова Василия Лебедев-Кумача

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,-
Идет война народная,
Священная война!
Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они - за царство тьмы.
Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!
Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!
Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,-
Идет война народная,
Священная война!

В землянке

*Музыка К. Листова,
слова А. Суркова*

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой,
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Ты сейчас далеко-далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти - четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.
Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой,
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Тёмная ночь

*Музыка Н. Богословского,
слова В. Агатова*

Темная ночь только пули свистят по степи
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь,
Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами.
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная черная степь пролегла между нами
Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила
Радостно мне я спокоен в смертельном бою
Знаю встретишь с любовью меня, чтоб со мной ни случилось.
Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи,
Вот и теперь надо мною она кружится,
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю, со мной ничего не случится

Вечер на рейде

*Музыка В. Соловьева-Седого,
слова А. Чуркина*

Споете, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой

Знакомый платок голубой
А вечер опять хороший такой
Что песен не петь нам нельзя
О дружбе большой,
О службе морской
Подтянем дружнее, друзья!
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.
На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман,
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян.
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море!
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой...

Авиамарш

*Музыка Юлия Хайта,
слова Павла Германа*

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца - пламенный мотор.
Припев:
Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,

И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.
Бросая ввысь свой аппарат послушный
Или творя невиданный полет,
Мы сознаем, как крепнет флот воздушный,
Наш первый в мире пролетарский флот!

Припев.

Наш острый взгляд пронзает каждый атом,
Наш каждый нерв решимостью одет;
И, верьте нам, на каждый ультиматум
Воздушный флот сумеет дать ответ.

Давай закурим

*Музыка Модеста Табачникова,
слова Ильи Френкеля*

Теплый ветер дует, развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Припев:

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя - за то, что ты дал мне закурить.
Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой!
Нас опять Одесса встретит как хозяев,
Звезды Черноморья будут нам сиять.
Славную Каховку, город Николаев,
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Припев.

А когда не станет немцев и в помине
И к своим любимым мы придем опять,
Вспомним, как на Запад шли по Украине,
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Припев

На безымянной высоте

*Слова М.Л. Матусовский,
музыка Вениамин Баснер*

Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат,
Нас оставалось только двое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.
Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.
Над нами "мессеры" кружили,
И было видно словно днем,
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.
Мне часто снятся все ребята,
Друзья моих военных дней.
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

Любимый город

*Музыка Н. Богословского,
слова Е. Долматовского*

В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят,
Любимый город в синей дымке тает:
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.
Любимый город в синей дымке тает:
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.
Пройдет товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно
И видеть сны, и зеленеть среди весны.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны.
Когда ж домой товарищ мой вернется,
За ним родные ветры прилетят...
Любимый город другу улыбнется
Знакомый дом, зеленый сад, веселый взгляд.
Любимый город другу улыбнется:
Знакомый дом, зеленый сад, веселый взгляд.

Огонёк

*Слова М. Исаковский
Музыка неизв. автор*

На позицию девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренёк,
На окошке на девичьем
Всё горел огонёк.
И пока за туманами
Видеть мог паренёк,
На окошке на девичьем
Всё горел огонёк.
Парня встретила славная
Фронтная семья.

Всюду были товарищи,
Всюду были друзья,
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонёк?
Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонёк?
И подруга далёкая
Парню весточку шлёт,
Что любовь её девичья
Никогда не умрёт.
Всё, что было загадано,
В свой исполнится срок, -
Не погаснет без времени
Золотой огонёк.
Всё, что было загадано,
В свой исполнится срок, -
Не погаснет без времени
Золотой огонёк.

Нам нужна одна победа!

Музыка: Б. Окуджава

Слова: Б. Окуджава

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут
И только мы плечом к плечу
Врастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым.
И значит нам нужна одна победа!
Одна на всех, мы за ценой не постоим.
Одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
И все ж бессилен он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш десантный батальон,
Десятый наш десантный батальон.

Лишь только бой угас -
Звучит другой приказ.
И почтальон сойдет с ума,
Разыскивая нас.
Взлетает красная ракета,
Бьет пулемет неутомим.
И значит нам нужна одна победа!
Одна на всех, мы за ценой не постоим.
Одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
И все ж бессилен он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш десантный батальон,
Десятый наш десантный батальон.
От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот,
Такие, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это
И не поверится самим.
А нынче нам нужна одна победа!
Одна на всех, мы за ценой не постоим.
Одна на всех, мы за ценой не постоим.
Нас ждет огонь смертельный,
И все ж бессилен он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш десантный батальон,
Десятый наш десантный батальон.

ПОЭТЫ-ЮБИЛЯРЫ ВОЕННОЙ ЭПОХИ

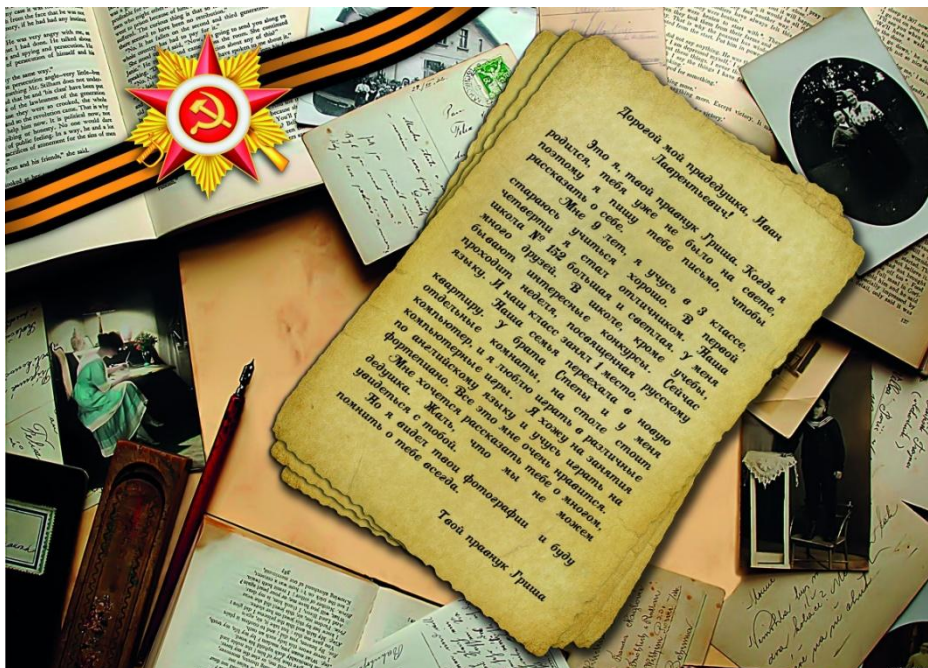
Патриотизм, любовь к Родине – большой и малой – это, с одной стороны, понятия вечные, нетленные, органично присущие каждому человеку; с другой, мы вновь и вновь обращаемся к ним, снова и снова осмысливаем эти понятия, бережно передаем и разъясняем их смысл нашим детям, молодежи. Это связано с тем, что меняются времена, поколения сменяют поколения и старые, давно знакомые вроде бы понятия, обретают новую глубину, открывают неизвестные измерения...

Лучше, ярче всего патриотические чувства выражаются в поэтических строках, так как само это чувство – поэтично, возвышенно. Оно отсылает нас к родной природе, родным просторам, родным полям и рекам...

Но если наше чувство к Родине, к родной природе исчерпывающе выражается словом «любовь», то патриотизм – это многогранное понятие.

Патриотизм – это больше, чем чувство, больше, чем просто любовь; патриотизм – активен, деятелен, он требует от нас не только слов, но и дел, он не только лирическое песнопение, но и боевая песнь, не только наслаждение и восторг, но и жертвенность, и забвение личного ради общего и общественного ...

В этой рубрике мы вспомним имена поэтов-фронтовиков, чей юбилей будем отмечать в этом году.

**ОЛЬГА ФЕДОРОВНА
БЕРГГОЛЬЦ**
(16 мая 1910 – 13 ноября 1975 гг.)

«Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не геройствовала, а жила»

Ольга Берггольц

Поэзия Ольги Берггольц – это один из редких примеров патриотизма, непрерывного объяснения в любви к России. На какой странице ни открой его книги – везде вы встретите признание в любви к Родине.

Поэтесса с Невской заставы Оля Берггольц родилась 16 мая 1910 года в семье врача. Окончила филологический факультет Ленинградского университета. Работала журналисткой. Но не все удачно складывалось в судьбе молодой женщины. В 1938 году был расстрелян ее первый муж, поэт Борис Корнилов. Его имя долго было под запретом, но до наших времен сохранилась его «Песня о встречном» («Нас утро встречает прохладой...»), а реабилитирован он был только в 1957 году. Беда не приходит одна, и в ночь с 13 на 14 декабря 1938 года пришли и за ней. Ольге было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности и подготовке убийства Жданова. Статья была расстрельной, обвинение было ложным. В 1939-м в ее невиновности все-таки разобрались, но попала она в тюрьму на большом сроке беременности, невыносимые условия, допросы с пристрастием привели к тому, что ребенок родился мертвым. Говорят, что выйти из тюрьмы ей помог Александр Фадеев, а после пытался наладить ее новую жизнь новый супруг Николай Молчанов. Но надежды на счастье перечеркнула война.

Блокада Ленинграда – это большая рана Великой Отечественной войны, про которую трудно говорить и трудно вспоминать. В годы войны вся страна испытывала невероятные лишения, но на долю ленинградцев выпали самые тяжелые испытания. О том, как удалось выжить, как найти силы не сдаться, знают только люди, пережившие блокаду. Постоянные бомбежки, голод, холод, отсутствие электричества, топлива, водоснабжения и канализации не смогли лишить ленинградцев воли к Победе.

Все дни этого противостояния в городе господствовал гордый дух сопротивления, ненависти к врагу, готовности сражаться на улицах и в домах до последнего патрона, до последней капли крови. Горожане работали круглосуточно, чтобы снабдить защитников всем необходимым для обороны города. В моих стихах глухие их шаги, их вечное и жаркое дыхание.

*Я говорю за всех, кто здесь живет,
кто проходил огонь, и смерть, и лед,
я говорю, как плоть твоя, народ,
по праву разделенного страдания...*

Ольга Федоровна Берггольц для многих ленинградцев в страшные годы блокады стала поэтессой, олицетворяющей стойкость Ленинграда. Тысячи горожан во время блокады собирались возле репродукторов для того, чтобы услышать ее стихи, вселяющие надежду на солнце, которое обязательно прорвется сквозь сгустившиеся тучи, голод и холод.

Ольга Берггольц стала музой людей, находившихся в блокадном городе. Многие исследователи ее творчества считают это чудом. Малоизвестный автор детских книжек и стихов заставляла обессиленных людей подниматься и идти вперед, помогала жить за гранью человеческих возможностей.

Поразительные выступления Берггольц имели такую силу, что враги внесли ее в список советских людей, которые должны быть расстреляны сразу после взятия Ленинград.

Откуда она брала силы, неизвестно. Ольга Федоровна, как и все ленинградцы, сидела на голодном пайке и от истощения была на грани смерти.

Ее голоса ждали измученные, но непокоренные ленинградцы. Именно ей принадлежит знаменитая фраза: «Никто не забыт и ничто не забыто». Именно она успокаивала и вдохновляла, отогревала души и сердца людей. Как сестра и мать, требовала быть сильнее страха смерти: живи, борись, побеждай. Каждый слушатель воспринимал как личное обращение такие строчки:

*«Что может враг?
Разрушить и убить.
И только-то.
А я могу любить...».*

Все дни блокады Ольга оставалась в родном городе, работала на Ленинградском радио. Часто не хватало сил, чтобы добраться до дома, и она ночевала в студии. Но силы духа у нее всегда хватало, чтобы поделиться

доверительными и мужественными стихами. В эти дни родились такие стихи, как «Разговор с соседкой», поэмы «Памяти защитников», «Твой путь», сборники «Ленинградская тетрадь», «Ленинград».

В них – судьба города, раздумья о героизме, верности, любви и обычные люди, побеждающие страдания и смерть.

В 2020 году 3 мая музе блокадного Ленинграда исполняется 110 лет со дня рождения. В юбилейный Год памяти и славы мы будем снова вспоминать этих великих людей.

Из блокнота сорок первого года

В бомбоубежище, в подвале,
нагие лампочки горят...
Быть может, нас сейчас завалит,
Кругом о бомбах говорят...
Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была.

Блокадная ласточка

Весной сорок второго года
множество ленинградцев
носило на груди жетон -
ласточку с письмом в клюве.

Сквозь года и радость, и невзгоды
вечно будет мне сиять одна -
та весна сорок второго года,
в осажденном городе весна.

Маленькую ласточку из жести
я носила на груди сама.
Это было знаком доброй вести,
это означало: "Жду письма".

Этот знак придумала блокада.
Знали мы, что только самолет,
только птица к нам, до Ленинграда,

с милой-милой родины дойдет.

29 января 1942

Сколько писем с той поры мне было.
Отчего же кажется самой,
что доньше я не получила
самое желанное письмо?!

Чтобы к жизни, вставшей за словами,
к правде, влитой в каждую строку,
совестью припасть бы, как устами
в раскаленный полдень - к роднику.

Кто не написал его? Не выслал?
Счастье ли? Победа ли? Беда?
Или друг, который не отыскан
и не узнан мною навсегда?

Или где-нибудь доньше бродит
то письмо, желанное, как свет?
Ищет адрес мой и не находит
и, томясь, тоскует: где ж ответ?

Или близок день, и непременно
в час большой душевной тишины
я приму неслыханной, нетленной
весть, идущую еще с войны...

О, найди меня, гори со мною,
ты, давно обещанная мне
всем, что было, – даже той смешною
ласточкой, в осаде, на войне...

Отчаяния мало. Скорби мало.
О, поскорей отбыть проклятый срок!
А ты своей любовью небывалой
меня на жизнь и мужество обрек.

Зачем, зачем?
Мне даже не баюкать,
не пеленать ребенка твоего.
Мне на земле всего желанней мука

и немота понятнее всего.

Ничьих забот, ничьей любви не надо.
Теперь одно всего нужнее мне:
над братскою могилой Ленинграда
в молчании стоять, оцепенев.

И разве для меня победы будут?
В чем утешение себе найду?!
Пускай меня оставят и забудут.
Я буду жить одна – везде и всюду
в твоём последнем пасмурном бреду...

Но ты хотел, чтоб я живых любила.
Но ты хотел, чтоб я жила. Жила
всей человеческой и женской силой.
Чтоб всю ее истратила дотла.
На песни. На пустячные желанья.

На страсть и ревность – пусть придет другой.
На радость. На тягчайшие страданья
с единственною русскою землей.
Ну что ж, пусть будет так...

«И вновь одна, совсем одна - в дорогу...»

И вновь одна, совсем одна – в дорогу.
Желанный путь неведом и далек,
и сердце жжет свобода и тревога,
а в тамбуре – свистящий холодок.

Как будто еду юности навстречу...
Где встретимся? Узнаю ли? Когда?
Таким ли синим будет этот вечер?
Такой ли нежной первая звезда?

Она тогда была такой. Несмело,
тихонько зажигаюсь в вышине,
и разгоралась, и потом летела
все время рядом с поездом – в окне.

А полустанок, где всегда хотелось
вдруг соскочить
и по крутой дорожке
уйти в лесок, сквозной, зелено-белый,
и жить вон в той бревенчатой сторожке?

А пристань незнакомая, ночная,
огни в воде, огни на берегу...
Там кто-то ждет, и я его не знаю,
но даже издали узнать смогу.

Еще минута – подойдет и скажет:
«Ну, наконец ты здесь! А я – к тебе».
И я сначала не отвечу даже,
я только руки протяну судьбе.

Пусть этого не будет, пусть, но может,
ведь может быть?! И, сердце веселя,
все обещает счастье, все тревожит
в пути к труду, большому, как Земля.

Мне встретится ль такой же полустанок,
такая ж пристань, с той же ворожкой,
мне, знающей давно, что не расстанусь
ни с городом, ни с домом, ни с тобой?..

И все-таки я юность повстречала –
мою, прекрасную, но ставшую иной:
мы встретились у черных свай причала,
в донской степи, завьюженной, ночной;
там, где до звезд белы снега лежали,
там, где рыдал бубенчик-чародей,
где ямщики под песню замерзали,
под ту, что нет печальней и светлей.
Не в той юнгштурмовке темно-зеленой,
в другой одежде, с поступью иной, –
как рядовой строитель Волго-Дона,
так повстречалась молодость со мной.
И долго буду жить я этой встречей,
суровой встречей, гордой и простой.
Нет, был не ласков тот февральский вечер
он был железным трепетом отмечен

и высшей – трагедийной – красотой.

Нас было трое около причала,
друг друга мы не знали до сих пор.
Мы молча грелись у костра сначала,
не сразу завязался разговор.
Но были мы ровесники – все трое,
всю жизнь свою мечтали об одном.
Один, в тридцатом Тракторный построив,
оборонял его в сорок втором.
Другой, надвинув шапку на седины,
сказал, что ровно десять лет назад
в такие ж вьюги он водил машины
по Ладоге в голодный Ленинград.
Мы даже детство вспомнили – все трое:
гражданскую, возвания Помгола,
и первый свет – он хлынул с Волховстроя
и прямо в юность,
прямо в зданье школы!
Потом, оставив младшим братьям парты,
мы вышли в жизнь, к труду,
и перед нами
родной земли распаханная карта
сверкнула разноцветными огнями.
Потом страна, от взрослых до ребенка,
с волнением следила за рождением
бетонной днепрогэсовской гребенки...
Она была эмблемой поколенья!
Потом пылал Мадрид.
К нему на помощь в бури
шел караван советский напролом,
и голосом Долорес Ибаррури
Испания твердила: «Мы пройдем!»
За нами были войны, труд, утраты,
судьбы неоднократный перелом;
мы знали День Победы в сорок пятом
и ждали моря в пятьдесят втором.
Причал простерся над земною сушей,
под ним мела поземка злей и злей,
но, как живой, – как мы,-
он чуял душу издалека идущих кораблей.

Они придут – мы знали срок прихода.
Их высоко над миром вознесут,
поднимут на себе донские воды
и волжскому простору отдадут.
И мы глаза невольно поднимали
с земли, со дна, где снег летел, пыля,
как будто б днище и огни видали
идущего над нами корабля...
Вот он проходит над судьбою нашей...
Рожденный нами!
Доброго пути!
Тебе к Москве, из водной чаши в чашу,
сквозь арки триумфальные идти.
Держи спокойно небывалый путь!
На каждом шлюзе, у любых причалов
будь горд и светел, но не забудь
о рядовых строителях канала...

А Дон качался близ насосных башен,
за плотною бетонною стеной.
Он подошел, он ждал — в морскую чашу
скорей ударить первою волной.
И – берег моря – дыбилась плотина,
огромная, как часть самой Земли.
Гряда холмов суровые вершины
вздымала и терялася вдали,
там, где сквозь мглу, заметная с причала,
как врезанная в небо навсегда,
над лучшим экскаватором мерцала
тяжелая багровая звезда.
Плотина будет тверже, чем гранит:
она навеки море сохранит.
Тут вся земля испытана на сдвиг
не только в тишине лабораторий —
всей тяжестью страданий и любви,
неумолимой поступью Истории.
И камень выбран. В разных образцах
его пытали холодом и зноем
и выбрали надежный, как сердца,
испытанные и трудом, и боем.
Не сдвинутся, не дрогнут берега,

навек воздвигнутые на равнине,
но примут море, сберегут снега,
снега степей, бессмертные отныне.

А на плотине возвышалось зданье
легчайшее, из белых кирпичей.
Шло от него жемчужное сиянье,
туман пронзая сотнями лучей.
Туман, туман светящийся, морозный,
костры и снег, столпившийся народ,
земля в холмах, хребет плотины грозный,
звезда вдали, и возглас: «Дон идет!»
И вздрогнул свет, чуть изменив оттенок...
Мы замерли – мотор уже включен!
За водосбросом, за бетонной стенкой
всхрапнул и вдруг пошевелился Дон.
И клочьями, вся в пене, ледяная,
всей силой человеческой сильна,
с высокой башни ринулась донская –
в дорогу к Волге – первая волна.
Я испытала многие невзгоды.
Судьбе прощаю все, а не одну - за ночь,
когда я приняла с народом
от Дона к Волге первую волну...
От Дона к Волге первая волна –
как нелегко досталась нам она...
И странно было знать, что – пусть не рядом,
но там, где бьет Атлантики волна, –
холодным, пристальным, змеиным взглядом
следит за этим вечером война.
И видит всё, во что вложили души...
И это зданье, этот водоем
она уже наметила – разрушить,
как Тракторный тогда,
в сорок втором.
Но мы – мы тоже помним эти годы.
Мы помним – в сорок третьем, в феврале,
на этой же недрогнувшей земле,
Здесь, где мы встретили донские воды,
Где море, точно памятник, встает
Над кровью воинов – над рубежами славы, –
Здесь был навеки перебит хребет
Фашистской бронированной державы.
Пусть ни на миг об этом не забудет

тот, кто грозит, что война близка.
У нас развалин на земле не будет.
Мы строим прочно. Строим на века.

**АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ
ТВАРДОВСКИЙ**
(21 июня 1910 – 18 декабря 1971 гг.)

Поэт, писатель Александр Трифонович Твардовский родился 21 июня 1910 г. в деревне Загорье Смоленской губернии (сейчас это Починковский район Смоленской области). Его отец был сельским кузнецом, человеком грамотным и весьма начитанным.

Детство поэта пришлось на первые послереволюционные годы, а в юности ему довелось на своей собственной судьбе познать, как проводилась коллективизация. В 1930-е гг. его отец был "раскулачен" и выслан из родной деревни.

Талант поэта проснулся в Александре Твардовском в раннем детстве. В 1925 г., еще учась в сельской школе, он начал работать в смоленских газетах селькором, для которых писал статьи, очерки, иногда печатал там собственные стихи. Первая публикация будущего поэта - заметка "Как происходят пере выборы кооперативов" была опубликована 15 февраля 1925 г. в газете "Смоленская деревня".

В 1927 г. Твардовский окончательно перебрался в Смоленск, где работал внештатным корреспондентом. В 1929 году Александр Твардовский послал свои стихи в Москву, в журнал "Октябрь", и они были напечатаны.

В 1939 г. он окончил Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ) и в том же году его призвали в армию.

За шесть лет своей армейской жизни Твардовский прошел несколько войн. В качестве военного журналиста он принимал участие в Польском походе Красной Армии в Западную Белоруссию, в советско-финской войне 1939-1940 гг. В этот период создал цикл стихов "В снегах Финляндии". Во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. поэт работал военным корреспондентом во фронтовых газетах, публикуя в них стихи и очерки. Свою лирику военных лет поэт называл "Фронтвой хроникой".

За годы Великой Отечественной войны, а также в первые послевоенные годы, Твардовский создал ряд произведений, принесших ему подлинную славу и поистине народную любовь. Прежде всего, это относится к его поэме «Василий Теркин», над которой он начал работать в 1941 г. Первые главы поэмы были напечатаны в сентябре 1942 г. в газете «Красноармейская правда», в том же году ранний вариант поэмы вышел отдельной книгой. Окончательный вариант был завершён в 1945 г. Книга пользовалась небывалой популярностью.

Об ужасах войны, о ее бессмысленности и жестокости, рассказано Твардовским в стихотворениях «Две строчки», «Я убит подо Ржевом», в поэме «Дом у дороги» и др.

«Я убит подо Ржевом...»

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна, ни покрышки.
И во всем этом мире
До конца его дней –
Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастерки моей.

Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облаком пыли
Ходит рожь на холме.

Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе.

Где – травинку к травинке –
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Летом горького года
Я убит. Для меня –
Ни известий, ни сводок
После этого дня.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю –
Наш ли Ржев, наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?
Этот месяц был страшен.
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда! Задачи
Той не выиграл враг.
Нет же, нет! А иначе,
Даже мертвому, – как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она – спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас.
На земле, на проверке
Выкликают не нас.

Мы – что кочка, что камень,
Даже глуше, темней.
Наша вечная память –
Кто завидует ей?

Нашим прахом по праву
Овладел чернозем.
Наша вечная слава –
Невеселый резон.

Нам свои, боевые
Не носить ордена.
Вам все это, живые.
Нам – отрада одна,

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять как стена,
Ибо мертвых проклятье –
Эта кара страшна.

Это горькое право
Нам навеки дано,
И за нами оно –
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Всем привычно и ясно.
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была несомненно
Там последняя пядь
На дороге военной, —

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить...

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы.
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже?

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой:
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг.

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне!

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Ибо в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот – еще под Москвой...
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?!

В городах миллионных,
В селах, дома – в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю –
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать – горделиво,
Не клонясь головой.
Ликовать – не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братя, – счастье свое, –
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

На час запомнив имена

На час запомнив имена,—
Здесь память долгой не бывает,—
Мужчины говорят: «Война...» —
И наспех женщин обнимают.

Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.

Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.

А им, которым в бой пора
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.

Я не сужу их, так и знай.

На час, позволенный войною,
Необходим нехитрый рай
Для тех, кто послабей душою.

Пусть будет все не так, не то,
Но вспомнить в час последней муки
Пускай чужие, но зато
Вчерашние глаза и руки.

Баллада о товарище

Вдоль развороченных дорог
И разоренных сел
Мы шли по звездам на восток,-
Товарища я вел.

Он отставал, он кровь терял,
Он пулю нес в груди
И всю дорогу повторял:
– Ты брось меня. Иди...

Наверно, если б ранен был
И шел в степи чужой,
Я точно так бы говорил
И не кривил душой.

А если б он тащил меня,
Товарища-бойца,
Он точно так же, как и я,
Тащил бы до конца...

Мы шли кустами, шли стерней:
В канавке где-нибудь
Ловили воду пятерней,
Чтоб горло обмануть,

О пище, что же говорить, –
Не главная беда.
Но как хотелось нам курить!
Курить – вот это да...

Где разжигались огнем,
Мы лист ольховый жгли,
Как в детстве, где-нибудь в ночном,
Когда коней пасли...

Быть может, кто-нибудь иной
Расскажет лучше нас,
Как горько по земле родной
Идти, в ночи таясь.

Как трудно дух бойца беречь,
Чуть что скрываясь в тень.
Чужую, вражью слышать речь
Близ русских деревень.

Как зябко спать в сырой копне
В осенний холод, в дождь,
Спиной к спине – и все ж во сне
Дрожать. Собачья дрожь.

И каждый шорох, каждый хруст
Тревожит твой привал...
Да, я запомнил каждый куст,
Что нам приют давал.

Запомнил каждое крыльцо,
Куда пришлось ступать,
Запомнил женщин всех в лицо,
Как собственную мать.

Они делили с нами хлеб –
Пшеничный ли, ржаной,-
Они нас выводили в степь
Тропинкой потайной.

Им наша боль была больна,-
Своя беда не в счет.
Их было много, но одна...
О ней и речь идет.

– Остался б,- за руку брала
Товарища она,-
Пускай бы рана зажила,
А то в ней смерть видна.

Пойдешь да сляжешь на беду
В пути перед зимой.
Остался б лучше.- Нет, пойду,-
Сказал товарищ мой.

– А то побудь. У нас тут глушь,
В тени мой бабий двор.
Случись что, немцы,- муж и муж,
И весь тут разговор.

И хлеба в нынешнем году
Мне не поесть самой,
И сала хватит.- Нет, пойду,-
Вздыхнул товарищ мой.

— Ну, что ж, иди...- И стала вдруг
Искать ему белье,
И с сердцем как-то все из рук
Металось у нее.

Гремя, на стол сковороду
Подвинула с золой.
Поели мы.- А все ж пойду,-
Привстал товарищ мой.

Она взглянула на него:
– Прощайте,- говорит,-
Да не подумайте чего...-
Заплакала навзрыд.

На подоконник локотком
Так горько опершись,
Она сидела босиком
На лавке. Хоть вернись.

Переступили мы порог,
Но не забыть уж мне
Ни тех босых сиротских ног,
Ни локтя на окне.

Нет, не казалась дурней
От слез ее краса,
Лишь губы детские полней
Да искристей глаза.

Да горячее кровь лица,
Закрытого рукой.
А как легко сходить с крыльца,
Пусть скажет кто другой...

Обоих жалко было мне,
Но чем тут пособить?
– Хотела долю на войне
Молодка ухватить.

Хотела в собственной избе
Ее к рукам прибрать,
Обмыть, одеть и при себе
Держать – не потерять,

И чують рядом по ночам,-
Такую вел я речь.
А мой товарищ? Он молчал,
Не поднимая плеч...

Бывают всякие дела,-
Ну, что ж, в конце концов
Ведь нас не женщина ждала,
Ждал фронт своих бойцов.

Мы пробирались по кустам,
Брели, ползли кой-как.
И снег нас в поле не застал,
И не заметил враг.

И рану тяжкую в груди
Осилил спутник мой.
И все, что было позади,
Занесено зимой.

И вот теперь, по всем местам
Печального пути,
В обратный путь досталось нам
С дивизией идти.

Что ж, сердце, вволю постучи,-
Настал и наш черед.
Повозки, пушки, тягачи
И танки – все вперед!

Вперед – погода хороша,
Какая б ни была!
Вперед – дождалась душа
Того, чего ждала!

Вперед дорога – не назад,
Вперед – веселый труд;
Вперед – и плечи не болят,
И сапоги не трут.

И люди, – каждый молодцом, –
Горят: скорее в бой.
Нет, ты назад пройди бойцом,
Вперед пойдет любой.

Привал – приляг. Кто рядом – всяк
Приятель и родня.
Эй ты, земляк, тащи табак!
– Тащу. Давай огня!

Свойяк, земляк, дружок, браток,
И все добры, дружны.
Но с кем шагал ты на восток,
То друг иной цены...

И хоть оставила война
Следы свои на всем,
И хоть земля оголена,
Искажена огнем, –

Но все ж знакомые места,
Как будто край родной.
– А где-то здесь деревня та? –
Сказал товарищ мой.

Я промолчал, и он умолк,
Прервался разговор.
А я б и сам добавить мог,
Сказать: – А где тот двор...

Где хата наша и крыльцо
С ведерком на скамье?
И мокрое от слез лицо,
Что снилось и мне?.

Дымком несет в рядах колонн
От кухни полевой.
И вот деревня с двух сторон
Дороги боевой.

Неполный ряд домов-калек,
Покинутых с зимы,
И там, на ужин и ночлег,
Расположились мы.

И два бойца вокруг глядят,
Деревню узнают,
Где много дней тому назад
Нашли они приют.

Где печь для них, как для родных,
Топили в ночь тайком.
Где, уважая отдых их,
Ходили босиком.

Где ждали их потом с мольбой
И мукой день за днем...
И печь с обрушенной трубой
Теперь на месте том.

Да сорванная, в стороне,
Часть крыши. Бедный хлам.
Да черная вода на дне
Оплывших круглых ям.

Стой! Это было здесь жилье,
Людской отрадный дом.
И здесь мы видели ее,
Ту, что осталась в нем.

И проводила, от лица
Не отнимая рук,
Тебя, защитника, бойца.
Стой! Оглянись вокруг...

Пусть в сердце боль тебе, как нож,
По рукоять войдет.
Стой и гляди! И ты пойдешь
Еще быстрее вперед.

Вперед, за каждый дом родной,
За каждый добрый взгляд,
Что повстречался нам с тобой,
Когда мы шли назад.

И за кусок, и за глоток,
Что женщина дала,
И за любовь ее, браток,
Хоть без поры была.

Вперед – за час прощальный тот,
За память встречи той...
– Вперед, и только, брат, вперед,
Сказал товарищ мой...

Он плакал горестно, солдат,
О девушке своей,
Ни муж, ни брат, ни кум, ни сват
И не любовник ей.

И я тогда подумал: – пусть,
Ведь мы свои, друзья.
Ведь потому лишь сам держусь,
Что плакать мне нельзя.

А если б я, – случись так вдруг, –
Не удержался здесь,
То удержался б он, мой друг,
На то и дружба есть...

И, постояв еще вдвоем,
Два друга, два бойца,
Мы с ним пошли. И мы идем
На Запад. До конца.

1942

Вслед за ротой на опушку...

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть,-
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: – Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет,-
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку,-
Голос в горсточку, как спичку
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
– Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка?- Деревушку.
Дом – так дом. Блиндаж – блиндаж.
Врешь, не высидишь – отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод – за валом огневым,
Теркин с ходу – вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом, –
Чох! – снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег – ничком.

Вдался вглубь, лежит — не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий – сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит – не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся – глянул косо.
Он почти у самых ног –
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним – сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой, дурак, слепой
Неизвестного калибра –
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился – смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:

– Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится, – говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

Видит Теркин погребушку –
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
– Вы – вперед. А я – в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой.
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
– Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.
Что там дальше – поглядим.
Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету.
Добрый словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали они.

Прочно сделали, надежно –
Тут не то, что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полаты,
Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежды, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче – я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут – один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, целься. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал:
Шел ко мне – убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...

Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь, - имей в виду.

За секунду до разрыва,
Знать, хотел подать пример:
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.

И поднялся, незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер – из пистолета,
Теркин – в мягкое – штыком.

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь,- чужая иль своя?
Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

«Это – наши, – понял парень,-
Наши бьют, – теперь каюк».

Оглушенный тяжким гулом,
Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

1942

Партизанам Смоленщины

Ой, родная, отцовская,
Что на свете одна,
Сторона приднепровская,
Смоленская сторона,
Здравствуй!..

Слова не выдавить.
Край в ночи без огня.
Ты как будто за тридевять
Земель от меня.

За высокою кручею,
За чужою заставою,
За немецкой колючею
Проволокой ржавою.

И поля твои мечены
Рытым знаком войны,
Города покалечены,
Снесены, сожжены...

И над старыми трактами
Тянет с ветром чужим
Не дымком наших тракторов,-
Вонью вражьих машин.

И весна деревенская
Не красна, не шумна.
Песня на поле женская –
Край пройди – не слышна...

Ой, родная, смоленская моя сторона,
Ты огнем опаленная
До великой черты,
Ты, за фронтом плененная,
Оскорбленная,-Ты
Никогда еще ранее
Даже мне не была
Так больна, так мила – до рыдания...

Я б вовеки грабителям
Не простил бы твоим,
Что они тебя видели
Вражьим оком пустым;
Что земли твоей на ноги
Зацепили себе,
Что руками погаными
Прикоснулись к тебе;
Что уродливым именем
Заменили твое;
Что в Днепре твоём вымыли
Воровское тряпье;
Что прошлись где по двору
Мимо окон твоих
Той походкою подлою,
Что у них у одних...

Сторона моя милая,
Ты ль в такую весну
Под неволей постылою
Присмиреешь в плену?
Ты ль березой подрубленной
Будешь никнуть в слезах
Над судьбою загубленной,
Над могилой неубранной,
Позабытой в лесах?

Нет, твой враг не похвалится
Тыловой тишиной,
Нет, не только страдальцей
Ты встаешь предо мной,
Земляная, колхозная,-
Гордой чести верна,-
Партизанская грозная сторона!

Знай, убийца без совести,
Вор, ограбивший дом,
По старинной пословице,
Не хозяин ты в нём.

За Починками, Глинками
И везде, где ни есть,
Потайными тропинками
Ходит зоркая месть.

Ходит, в цепи смыкается,
Обложила весь край,
Где не ждут, объявляется
И карает...
Карай!

Бей, семья деревенская,
Вора в честном дому,
Чтобы жито смоленское
Боком вышло ему.
Встань, весь край мой поруганный,
На врага!
Неспроста
Чтоб вороною пуганой
Он боялся куста,
Чтоб он в страхе сутулился
Пред бессонной бедой,
Чтоб с дороги не сунулся
И за малой нуждой,
Чтоб дорога трясиною
Пузырилась под ним,
Чтоб под каждой машиною
Рухнул мост и – аминь!

Чтоб тоска постоянная
Вражий дух извела,
Чтобы встреча желанная
Поскорее была.

Ой, родная, отцовская,
Сторона приднепровская,
Земли, реки, леса мои,
Города мои древние,
Слово слушайте самое
Мое задушевное.
Все верней, все заметнее
Близкий радостный срок.
Ночь короткую летнюю
Озаряет восток.

Полстраны под колесами
Боевыми гудит.
Разве родина бросила
Край родной хоть один?

Хоть ребенка, хоть женщину
Позабыли в плену?
Где ж забудет Смоленщину —
Сторону!
Сторона моя милая,
Земляки и родня,
Бей же силу посылаю
Всей несчетною силою
Ножа и огня.
Бей! Вовек не утратится
Имя, дело твое,
Не уйдет в забвенье,
Высшей славой оплатится.
Эй, родная, Смоленская,
Сторона деревенская,
Эй, веселый народ,
Бей!
Наша берет!

1942

В тот день, когда окончилась война

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями.
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самую Москвой
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимой сорок первого; и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанном нечуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел, —
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел —
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ, —
Со всеми, до единого со всеми.

Простились мы.
И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не за тем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не за тем, нет, не за тем одним,
Что ветры войн шумят не утихая.

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, —

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь, пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека!

Что ж, мы трава? Что ж, и они трава?
Нет. Не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немymi.
Но вы – мои, вы были с нами здесь,

Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья, – и я у вас в долгу,
Как у живых, – я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова, что нету веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых, –
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых – не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

МАРГАРИТА ИОСИФОВНА АЛИГЕР
(07.10.1915 – 01.08.1992 гг.)

Мне предначертано в веках,
Из дома изгнанной войною,
Пройти с ребенком на руках
Чужой лесистой стороною,
Узнать дорогу до конца,
Хлебнуть мороза, зноя, пыли,
И плакать каплями свинца,
Которыми тебя убили.

М. Алигер

Маргарита Иосифовна Алигер (Зейлигер) родилась 24 сентября по ст. ст. (7 октября) 1915 г. Она родилась в еврейской семье мелкого служащего.

Отец Маргариты, Иосиф, так и не получил высшего образования, зато делал технические переводы сразу с нескольких европейских языков, которые «выучил самостоятельно». Он умер, когда Маре не исполнилось и десяти лет, а о

домохозяйке-матери остались строки: «Хозяйство ладное вела, доброю хозяйкою сидела у большого круглого стола».

В 1931 г. М. Алигер оставляет родную Одессу и уезжает в Москву. Любимая школьная учительница химии Кекилия Борисовна предопределила избранную специальность – Маргарита поступила в Московский химический техникум. Совмещала учебу с работой на химическом заводе.

В конце 30-х Маргарита вышла замуж за композитора Константина Макарова-Ракитина – выпускника московской консерватории. После мучительной болезни скончался их годовалый сын, а вскоре после начала Великой Отечественной войны в бою под Ярцевым погиб ушедший добровольцем на фронт муж Константин. Он успел написать несколько песен на стихи своей жены, несколько фортепианных пьес и оперу «Невеста солдата» по повести В. Катаева «Шел солдат с фронта» (либретто М. Алигер). После вручения «похоронки» у поэтессы родились горькие стихи «С пулей в сердце я живу на свете...».

Во время Великой Отечественной войны М. Алигер сотрудничала в редакции газеты Военно-Воздушных Сил и в армейской газете. В 1942 г. вступила в ВКП(б) и написала поэму «Зоя» о подвиге Зои Космодемьянской, за которую в 1943 г. удостоена Сталинской премии, которую передала на вооружение Красной Армии. Благодаря этой поэме, после которой ее имя получило широкую известность, Алигер стала символом сталинской патриотической пропаганды.

В 1942 г. вышел ее сборник «Памяти храбрых», в 1945 г. поэмы «Сказка о правде» (вновь о Космодемьянской) и «Твоя победа», в 1953 г. сборник «Ленинские горы».

После смерти И.В. Сталина известность М. Алигер сразу же сошла на нет, а поэма «Зоя» была незаслуженно объявлена критикой «посредственной». Прочитайте эту поэму, и вы поймете, насколько она гениальна, она написана на века!

Отрывки из поэмы «ЗОЯ»

Отгорели жаркие леса,
под дождем погасли листья клена.
Осень поднимает в небеса
отсыревшие свои знамена.
Но они и мокрые горят,
занимаясь с западного края.
Это полыхает не закат,
это длится бой, не угасая.
Осень, осень. Ввек не позабудь
тихий запах сырости и тленья,
выбитый, размытый, ржавый путь,
мокрые дороги отступленья,
и любимый город без огня,
и безлюдных улочек морщины...

Длинный фронт — живая полоса
человечьих судеб и металла.
Сквозь твоих орудий голоса
слово невредимым пролетало.
И разноязыкий пестрый тыл,
зной в Ташкенте, в Шушенском — поземка.
И повсюду Сталин говорил,
медленно, спокойно и негромко.
Как бы мне надежнее сберечь
вечера того любую малость?
Как бы мне запомнить эту речь,
чтоб она в крови моей осталась?
Я запомню неотступный взгляд
вставшей в строй московской молодежи
и мешки арбатских баррикад —
это, в сущности, одно и то же.
Я запомню старого бойца,
ставшего задумчивей и строже,
и сухой огонь его лица —
это, в сущности, одно и то же.
Он сказал:
— Победа!
Будет так.

* * *

Тишина, ах, какая стоит тишина!
Даже шорохи ветра нечасты и глухи.
Тихо так, будто в мире осталась одна
эта девочка в ватных штанах и треухе.
Значит, я ничего не боюсь и смогу
сделать все, что приказано...
Завтра не близко.
Догорает костер, разоженный в снегу,
и последний, дымок его стелется низко.
Погоди еще чуточку, не потухай.
Мне с тобой веселей. Я согрелась немного.
Над Петрищевом — три огневых петуха.
Там, наверное, шум, суета и тревога.
Это я подожгла!
Это я!
Это я!
Все исполню, верна боевому приказу.
И сильнее противника воля моя,

и сама я невидима вражьему глазу.
Засмеяться?
Запеть?
Погоди, погоди!..
Вот когда я с ребятами встречу, когда я...
Тишина, тишина нарастает вокруг.
Ты сидишь, обхвативши руками колени.
Ты одна.
Ах, какая стоит тишина!..
Но не верь ей, прислушайся к ней, дорогая.
Тихо так, что отчетливо станет слышна
вся страна,
вся война,
до переднего края.
Ты услышишь все то, что не слышно врагу.
Под защитным крылом этой ночи вороньей
заскрипели полозья на крепком снегу,
тащат трудную тягу разумные кони.
Мимо сосенок четких и лунных берез,
через линию фронта, огонь и блокаду,
нагруженный продуктами красный обоз
осторожно и верно ползет к Ленинграду.
Люди, может быть, месяц в пути, и назад
не вернет их ни страх, ни железная сила.
Это наша тоска по тебе, Ленинград,
наша русская боль из немецкого тыла.
Чем мы можем тебе хоть немного помочь?
Мы пошлем тебе хлеба, и мяса, и сала.
Он стоит, погруженный в осадную ночь,
этот город, которого ты не видала.
Он стоит под обстрелом чужих батарей.
Рассказать тебе, как он на холоде дышит?
Про его матерей, потерявших детей
и тащивших к спасенью чужих ребятишек.
Люди поняли цену того, что зовут
немудреным таинственным именем
жизни, и они исступленно ее берегут,
потому что — а вдруг? — пригодится Отчизне,
Это проще — усталое тело сложить,
никогда и не выйдя к переднему краю.
Слава тем, кто решил до победы дожить!
Понимаешь ли, Зоя?
— Я все понимаю.
Понимаю.

Я завтра проникну к врагу,
и меня не заметят,
не схватят,
не свяжут.
Ленинград, Ленинград!
Я тебе помогу.
Прикажи мне!
Я сделаю все, что прикажут...
И как будто в ответ тебе,
будто бы в лад
застучавшему сердцу услышь канонаду.
На высоких басах начинается Кронштадт,
и Малахов курган отвечает Кронштадту.
Проплывают больших облаков паруса
через тысячи верст человеческого горя.
Артиллерии русской гремят голоса
от Балтийского моря до Черного моря.
Севастополь.
Но как рассказать мне о нем?
На светящемся гребне девятого вала
он причалил к земле боевым кораблем,
этот город,
которого ты не видала.
Сходят на берег люди. Вздыхает вода.
Что такое геройство?
Я так и не знаю.
Севастополь...
Давай помолчим...
Но тогда,
понимаешь, он был еще жив.
— Понимаю!
Понимаю.
Я завтра пойду и зажгу
и конюшни и склады согласно приказу.
Севастополь, я завтра тебе помогу!
Я ловка и невидима вражью глазу.
Ты невидима вражью глазу.
А вдруг...
Как тогда?
Что тогда?
Ты готова на это?
Что же ты идешь, сутуля плечи?
В сторону сворачивай скорей!
Было здесь селенье человечесь,

а теперь здесь логово зверей.
Были мы радушны и богаты,
а теперь бедней худой земли.
В сумерки
немецкие солдаты
путника
к допросу привели.

Как собачий лай, чужая речь.
...Привели ее в избу большую.
Куртку ватную сорвали с плеч.
Старенькая бабка топит печь.
Пламя вырывается, бушует...
Сапоги с трудом стянули с ног.
Гимнастерку сняли, свитер сняли.
Всю, как есть,
от головы до ног,
всю обшарили и обыскали.
Малые ребята на печи притаились,
смотрят и не дышат.
Тише, тише, сердце, не стучи,
пусть враги тревоги не услышат.
Каменная оторопь — не страх.
Плечики остры, и руки тонки.
Ты осталась в стеганых штанах
и в домашней старенькой кофтенке.
И на ней мелькают там и тут
мамины заштопки и заплатки,
и родные запахи живут
в каждой сборочке и в каждой складке.
Все, чем ты дышала и росла,
вплоть до этой кофточки измятой,
ты с собою вместе принесла —
пусть глядят фашистские солдаты.
Постарался поудобней сесть
офицер,
бумаги вынимая.
Ты стоишь пред ним, какая есть, —
тоненькая,
русская,
прямая.

Это все не снится, все всерьез.
Вот оно надвинулось, родная.
Глухо начинается допрос.
— Отвечай!
— Я ничего не знаю. —
Вот и все.
Вот это мой конец.
Не конец. Еще придется круто.
Это все враги,
а я — боец.
Вот и наступила та минута.
— Отвечай, не то тебе капут! —
Он подходит к ней развалкой пьяной.
— Кто ты есть и как тебя зовут?
Отвечай!
— Меня зовут Татьяной.
Родина,
мне нет другой дороги.
Пусть пройдут, как пули, сквозь меня
все твои раненья и тревоги,
все порывы твоего огня!
Пусть во мне страданьем отзовется
каждая печаль твоя и боль.
Кровь моя твоим порывом бьется.
Дочка,
отпусти меня,
позволь.
Все, как есть, прости мне, дорогая.
Вырастешь, тогда поговорим.
Мне пора!
Горя и не сгорая,
терпит пытку девочка другая,
называясь именем твоим.)
Хозяйка детей увела в закут.
Пахнет капустой, скребутся мыши.
— Мама, за что они ее бьют?
— За правду, доченька. Тише, тише.
— Мама, глянь-ка в щелочку, глянь:
у нее сорочка в крови.
Мне страшно, мама, мне больно!..
— Тише, доченька, тише, тише...
— Мама, зачем она не кричит?
Она, небось, железная?
Живая бы давно закричала.

— Тише, доченька, тише, тише...
— Мама, а если ее убьют,
стадо быть, правду убили тоже?
— Тише, доченька, тише... —
Нет!
Девочка, слушай меня без дрожи.
Слушай,
тебе одиннадцать лет.

Если ни разу она не заплачет,
что бы ни делали изверги с ней,
если умрет,
но не сдастся — значит,
правда ее даже смерти сильнее.
Лучшими силами в человеке
я бы хотела тебе помочь,
чтобы запомнила ты навеки
эту кровавую, страшную ночь.
Чтобы чудесная Зоина сила,
как вдохновенье, тебя носила,
стала бы примесью крови твоей.
Чтобы, когда ты станешь большою,
сердцем горячим,
верной душою
ты показала, что помнишь о ней.

**КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ
СИМОНОВ
(28 ноября 1915 – 28 августа 1979 гг.)**

Родился 15 ноября в Петрограде. С начала войны призван в армию, работал в газете «Боевое знамя».

В 1942 ему было присвоено звание старшего батальонного комиссара, в 1943 – звание подполковника, а после войны – полковника.

В годы войны написал и пьесы «Русские люди», «Жди меня», «Так и будет», повесть «Дни и ночи», две книги стихов «С тобой и без тебя» и «Война». Как военный корреспондент побывал на всех фронтах, прошел по землям Румынии, Болгарии, Югославии, Польши и Германии, был свидетелем последних боев за Берлин. Константин Михайлович Симонов почти все свои произведения посвятил событиям военного времени.

Сам Симонов отмечал, что почти все, что им создано, «связано с Великой Отечественной войной». Он один из немногих советских писателей, обладавших таким богатством живых впечатлений и таким знанием армейской среды «Константин Симонов, – писал о нем В. Перцов, – острый и наблюдательный бытописатель войны». Наверное, поэтому о войне он рассказал просто, но за этой простотой скрывается стойкость, мужество и выносливость русского солдата. Его самое знаменитое произведение – Трилогия «Живые и мертвые».

Роман «Солдатами не рождаются» является продолжением романа «Живые и мертвые». Впервые увидевший свет в 1964 году, роман неоднократно переиздавался и получил заслуженное признание у читателей и профессиональных критиков.

События книги разворачиваются зимой 1943 года – в период Сталинградской битвы, ставшей переломным моментом в истории не только Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны. Центральное место в романе занимает проблема человека, который становится творцом истории. Изображая достоверную «летопись» основных событий войны, Симонов показывает, насколько она бесчеловечна, противоестественна.

Образ войны присутствует в произведениях писателя как нечто реальное, чудовищное, что необходимо изучать, с чем нужно бороться, чтобы победить: «Там война пахла бензином и копотью, горелым железом и порохом, она скрежетала гусеницами, строчила из пулемётов и падала в снег, и снова поднималась под огнем на локтях и коленях, и с хриплым «ура», с матерщиной, с шепотом «мама», проваливаясь в снег, шла и бежала вперед, оставляя после себя пятна полушубков и шинелей на дымном растоптанном снегу». Симонов показывает, что война – это ежедневный подвиг и тяжелый труд народа на фронте и в тылу. Вся жизнь переплетена с войной, она входит в мировосприятие человека.

Тыловой госпиталь

Все лето кровь не сохла на руках.
С утра рубили, резали, сшивали.
Не сняв сапог, на куцых тюфяках
Дремали два часа, и то едва ли.

И вдруг пустая тишина палат,
Который день на фронте нет ни стычки.
Все не решались снять с себя халат
И руки спиртом мыли по привычке.

Потом решились, прицепили вдруг
Все лето нам мешавшие наганы.
Ходили в степи слушать, как вокруг
Свистели в желтых травах тарбаганы.

Весь в пене, мотоцикл приткнув к дверям,
Штабной связист привез распоряженье
Отбыть на фронт, в поездку, лекарям —
Пускай посмотрят на поля сраженья.

Вот и они, те дальние холмы,
Где день и ночь дырявили и рвали
Все, что потом с таким терпеньем мы
Обратно, как портные, зашивали.

Как смел он, этот ржавый миномет,
С хромою сошкой, чтоб опираться,
Нам стоять стольких рваных ран в живот,
И стольких жертв, и стольких операций?

Как гальку на прибрежной полосе,
К ногам осколки стали прибывает.
Как много их! Как страшно, если б все...
Но этого, по счастью, не бывает.

Вот здесь в окоп тяжелый залетел,
Осколки с треском разошлись кругами,
Мы только вынимали их из тел,
Мы первый раз их видим под ногами.

Шофер нас вез обратно с ветерком,
И все-таки, вся в ранах и увечьях,
Степь пахла миром, диким чесноком,
Ночным теплом далеких стад овечьих.

1939

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкой,

Как вслед нам шептали:- Господь вас спаси!-
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плиссовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала:- Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!»- говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!»- говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что в бой, провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

Сын артиллериста

Был у майора Деева
Товарищ — майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов.
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.

А у майора Петрова
Был Ленька, любимый сын,
Без матери, при казарме,
Рос мальчишка один.
И если Петров в отъезде, —
Бывало, вместо отца
Друг его оставался
Для этого сорванца.

Вызовет Деев Леньку:
— А ну, поедем гулять:
Сыну артиллериста
Пора к коню привыкать! —
С Ленькой вдвоем поедет
В рысь, а потом в карьер.
Бывало, Ленька спасует,
Взять не сможет барьер,
Свалится и захнычет.
— Понятно, еще малец! —

Деев его поднимет,

Словно второй отец.
Подсадит снова на лошадь:
— Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

Прошло еще два-три года,
И в стороны унесло
Деева и Петрова
Военное ремесло.
Уехал Деев на Север
И даже адрес забыл.
Увидеться — это б здорово!
А писем он не любил.
Но оттого, должно быть,
Что сам уж детей не ждал,
О Ленке с какой-то грустью
Часто он вспоминал.

Десять лет пролетело.
Кончилась тишина,
Громом загрохотала
Над родиною война.
Деев дрался на Севере;
В полярной глуши своей
Иногда по газетам
Искал имена друзей.
Однажды нашел Петрова:
«Значит, жив и здоров!»
В газете его хвалили,
На Юге дрался Петров.
Потом, приехавши с Юга,
Кто-то сказал ему,
Что Петров, Николай Егорыч,
Геройски погиб в Крыму.
Деев вынул газету,
Спросил: «Какого числа?» —
И с грустью понял, что почта
Сюда слишком долго шла...

А вскоре в один из пасмурных
Северных вечеров
К Дееву в полк назначен
Был лейтенант Петров.
Деев сидел над картой
При двух чадящих свечах.
Вошел высокий военный,
Косая сажень в плечах.
В первые две минуты
Майор его не узнал.
Лишь басок лейтенанта
О чем-то напоминал.
— А ну, повернитесь к свету,—
И свечку к нему поднес.
Все те же детские губы,
Тот же курносый нос.
А что усы — так ведь это
Сбрить!— и весь разговор.
— Ленька?— Так точно, Ленька,
Он самый, товарищ майор!

— Значит, окончил школу,
Будем вместе служить.
Жаль, до такого счастья
Отцу не пришлось дожить.—
У Леньки в глазах блеснула
Непрошенная слеза.
Он, скрипнув зубами, молча
Отер рукавом глаза.
И снова пришлось майору,
Как в детстве, ему сказать:
— Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!—
Такая уж поговорка
У майора была.

А через две недели
Шел в скалах тяжелый бой,
Чтоб выручить всех, обязан
Кто-то рискнуть собой.
Майор к себе вызвал Леньку,
Взглянул на него в упор.

— По вашему приказанью
Явился, товарищ майор.
— Ну что ж, хорошо, что явился.
Оставь документы мне.
Пойдешь один, без радиста,
Рация на спине.
И через фронт, по скалам,
Ночью в немецкий тыл
Пройдешь по такой тропинке,
Где никто не ходил.
Будешь оттуда по радио
Вести огонь батарей.
Ясно?— Так точно, ясно.
— Ну, так иди скорей.
Нет, погоди немножко.—
Майор на секунду встал,
Как в детстве, двумя руками
Леньку к себе прижал:—
Идешь на такое дело,
Что трудно прийти назад.
Как командир, тебя я
Туда посылать не рад.
Но как отец... Ответь мне:
Отец я тебе иль нет?
— Отец,— сказал ему Ленька
И обнял его в ответ.

— Так вот, как отец, раз вышло
На жизнь и смерть воевать,
Отцовский мой долг и право
Сыном своим рисковать,
Раньше других я должен
Сына вперед посылать.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!—
Такая уж поговорка
У майора была.
— Понял меня?— Все понял.
Разрешите идти?— Иди!—
Майор остался в землянке,
Снаряды рвались впереди.
Где-то гремело и ухало.

Майор следил по часам.
В сто раз ему было б легче,
Если бы шел он сам.
Двенадцать... Сейчас, наверно,
Прошел он через посты.
Час... Сейчас он добрался
К подножию высоты.
Два... Он теперь, должно быть,
Ползет на самый хребет.
Три... Поскорей бы, чтобы
Его не застал рассвет.
Деев вышел на воздух —
Как ярко светит луна,
Не могла подождать до завтра,
Проклята будь она!

Всю ночь, шагая как маятник,
Глаз майор не смыкал,
Пока по радио утром
Донесся первый сигнал:
— Все в порядке, добрался.
Немцы левой меня,
Координаты три, десять,
Скорей давайте огня!—
Орудия зарядили,
Майор рассчитал все сам,
И с ревом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
— Немцы правой меня,
Координаты пять, десять,
Скорее еще огня!

Летели земля и скалы,
Столбом поднимался дым,
Казалось, теперь оттуда
Никто не уйдет живым.
Третий сигнал по радио:
— Немцы вокруг меня,
Бейте четыре, десять,
Не жалейте огня!

Майор побледнел, услышав:
Четыре, десять — как раз

То место, где его Ленька
Должен сидеть сейчас.
Но, не подавши виду,
Забыв, что он был отцом,
Майор продолжал командовать
Со спокойным лицом:
«Огонь!»— летели снаряды.
«Огонь!»— заряжай скорей!
По квадрату четыре, десять
Било шесть батарей.
Радио час молчало,
Потом донесся сигнал:
— Молчал: оглушило взрывом.
Бейте, как я сказал.
Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!

И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,
Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:
— Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла!—
Такая уж поговорка
У майора была.

В атаку пошла пехота —
К полудню была чиста
От убежавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы,
Раненый, но живой
Был найден в ущелье Ленька
С обвязанной головой.
Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,
Майор поглядел на Леньку
И вдруг его не узнал:

Был он как будто прежний,
Спокойный и молодой,
Все те же глаза мальчишки,
Но только... совсем седой.

Он обнял майора, прежде
Чем в госпиталь уезжать:
— Держись, отец: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!—
Такая уж поговорка
Теперь у Ленки была...

Вот какая история
Про славные эти дела
На полуострове Среднем
Рассказана мне была.
А вверху, над горами,
Все так же плыла луна,
Близко грохали взрывы,
Продолжалась война.
Трещал телефон, и, волнуясь,
Командир по землянке ходил,
И кто-то так же, как Ленка,
Шел к немцам сегодня в тыл.

1941

Смерть друга

Памяти Евгения Петрова

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет.

В землянке, занесен метелью,
Застольной не поет с тобой
И рядом, под одной шинелью,
Не спит у печки жестяной.

Но все, что между вами было,
Все, что за вами следом шло,
С его останками в могилу
Улечься вместе не смогло.

Упрямство, гнев его, терпенье —
Ты все себе в наследство взял,
Двойного слуха ты и зренья
Пожизненным владельцем стал.

Любовь мы завещаем женам,
Воспоминанья — сыновьям,
Но по земле, войной сожженной,
Идти завещано друзьям.

Никто еще не знает средства
От неожиданных смертей.
Все тяжелее груз наследства,
Все уже круг твоих друзей.

Взвали тот груз себе на плечи,
Не оставляя ничего,
Огню, штыку, врагу навстречу
Неси его, носи его!

Когда же ты нести не сможешь,
То знай, что, голову сложив,
Его всего лишь переложить
На плечи тех, кто будет жив.

И кто-то, кто тебя не видел,
Из третьих рук твой груз возьмет,
За мертвых мстя и ненавидя,
Его к победе донесет.

1942

СТИХИ О ВОЙНЕ ПОЭТОВ-СОВРЕМЕННИКОВ

СТЕПАН КАДАШНИКОВ

Ветер войны

Как было много тех героев,
Чьи неизвестны имена.
Навеки их взяла с собою,
В свой край, неведомый, война.

Они сражались беззаветно,
Патрон последний берегли,
Их имена приносит ветром,
Печальным ветром той войны.

Порой слышны на поле боя,
Через десятки мирных лет:
«Прикрой меня! — прикрою Коля!»
И вспыхнет вдруг ракеты свет.

А Коля, в этом тихом поле,
Лежит, не встанет никогда...
Лишь горький ветер, нам порою,
Напомнит страшные года.

Сегодня мало кто заплачет
Придя к могилам той войны,
Но это все-таки не значит
Что позабыли Колю мы.

Мы помним, помним это горе.
Осталась в памяти война,
И Русское, родное, поле
Приносит ветром имена.

МИХАИЛ ДУДИН

Гремят над землёю раскаты.
Идёт за раскатом раскат.
Лежат под землею солдаты.
И нет безымянных солдат.

Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За горькую землю свою.

В родимую землю зарыты,
Там самые храбрые спят.
Глаза их Победой закрыты,
Их подвиг прекрасен и свят.

Зарница вечерняя меркнет.
В казарме стоит тишина.
Солдат по вечерней поверке
В лицо узнает старшина.

У каждого личное имя,
Какое с рожденья дают.
Равняясь незримо с живыми,
Погибшие рядом встают.

Одна у нас в жизни Присяга,
И Родина тоже одна.
Солдатского сердца отвага
И верность любви отдана.

Летят из далёкого края,
Как ласточки, письма любви.
Ты вспомни меня, дорогая,
Ты имя моё назови.

Играют горнисты тревогу.
Тревогу горнисты трубят.
Уходят солдаты в дорогу.
И нет безымянных солдат.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

А вчера не вернулся из боя

То, что пусто теперь, – не про то разговор,
Вдруг заметил я – нас было двое.
Для меня будто ветром задуло костёр,

Когда он не вернулся из боя.
Нынче вырвалась, будто из плена, весна,
По ошибке окликнул его я:
– Друг, оставь покурить! –
А в ответ – тишина:
Он вчера не вернулся из боя.
Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло для обоих.
Всё теперь одному. Только кажется мне,
Это я не вернулся из боя.

Братские могилы

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают.
К ним кто-то приносит букетик цветов
И Вечный огонь зажигает.
Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче гранитные плиты.
Здесь нет ни одной Персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты.
А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.
У братских могил нет заплаканных вдов –
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?

ЮЛИЯ ДРУНИНА

Нет, это не заслуга, а удача
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!
С восторгом нас, девчонок, не встречали
Нас гнал домой охрипший военком.

Так было в сорок первом. А медали
И прочие регалии потом...
Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

«Солдатские будни»

Только что пришла с передовой
Мокрая, замерзшая и злая,
А в землянке нету никого
И дымится печка, затухая.
Так устала — руки не поднять,
Не до дров — согреюсь под шинелью.
Прилегла, но слышу, что опять
По окопам нашим бьют шрапнелью.

Из землянки выбегаю в ночь,
А навстречу мне рванулось пламя.
Мне навстречу — те, кому помочь
Я должна спокойными руками.

И за то, что снова до утра
Смерть ползти со мною будет рядом.
Мимоходом: «Молодец, сестра!» —
Крикнут мне товарищи в награду.

Да еще сияющий комбат
Руки мне протянет после боя:
— Старшина, родная! Как я рад,
Что опять осталась ты живою!

АННА АХМАТОВА

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи — солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.
Идут, подтянуты и строги,
Идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва,
Шуршит трава.
И от ромашек-тонконожек
Мы оторвать не в силах глаз.
Для нас,
Для нас они, быть может,
Цветут сейчас
В последний раз.
И вдруг (неведомо откуда
Попав сюда, зачем и как)
В грязи дорожной — просто чудо —
Пятак!
Из желтоватого металла,
Он, как сазанья чешуя,
Горит,
И только обметало
Зеленой окисью края.
А вот — рубли в траве примятой!
А вот еще... И вот, и вот...
Мои товарищи — солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.
Все жарче вспышки полыхают.
Все тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

«Советские бомбардировщики»

Посвящается летчикам части майора Кузнецова

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Плывут, в облаках исчезая,
Воздушные те корабли.

И с курса они не собьются,
И к цели они долетят.
Радисты-стрелки неустанно
За воздухом синим следят.

Пшеница внизу колосится,
Пылят по дорогам стада.
Как тонкие ниточки, вьются
Идущие в тыл поезда.

Девятка летит над садами,
В пути не встречая преград.
Тяжелые авиабомбы
Под крыльями в люках висят.

Плывут они, крылья раскинув,
В разливе воздушной струи.
И дети им смотрят вдогонку,
И матери шепчут: «Свои!»

Свои самолеты! И людям
Становится сразу легко.
Свои! Это значит — родные
Заплавский, Демидов, Янко.

В планшете на штурманской карте
Отмечена эта река.
Вот здесь у врагов переправа,
Сюда они гонят войска.

Саперы наводят понтоны,
Форсируют реку полки,
Вползают германские танки

На берег советской реки.

Вперед же, к намеченной цели!
Уже переправа видна,
Уже разделилась девятка
На три боевых звена.

Во имя родимого края,
Во имя погибших бойцов
На цель в боевом развороте
Заходит майор Кузнецов.

По цели! По цели! По цели!
И кони встают на дыбы.
И там, где взрываются бомбы,
Растут водяные столбы.

По цели! И вновь закипает
Вода у крутых берегов —
То Кравченко, сокол отважный,
Как смерч, налетел на врагов.

Бросаются в воду фашисты,
Но только спастись нелегко,
Когда над водой пролетают
Заплавский, Демидов, Янко.

В лучах заходящего солнца,
Гудя над землей, как шмели,
Свои корабли боевые
Герои домой привели.

Летели, они над садами,
Из мест, где гремели бои,
И люди внизу говорили:
«Летят самолеты! Свои!»

«Три товарища»

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.

Стали допрашивать первого,
Долго пытали его —
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего.

Стали второго допрашивать,
Пыток не вынес второй —
Умер, ни слова не вымолвив,
Как настоящий герой.

Третий товарищ не вытерпел,
Третий — язык развязал.
— Не о чем нам разговаривать! —
Он перед смертью сказал.

Их закопали за городом,
Возле разрушенных стен.
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе Эн.

«Фашист»

Он в села входит,
Как чума,
Как смерть сама,
Как мор.
Как зверь, врывается в дома,
И сходят девушки с ума,
Не в силах смыть позор.
Он вырывает языки,
Пытая стариков.
Он хочет всех зажать в тиски
И всем до гробовой доски
Надеть ярмо оков.
Нет! Нет! Вовеки не бывать
Хозяином ему.
Он может жечь и убивать,
Душить людей в дыму, —
Но никогда такой народ,
Как русский наш народ,
Не упадет и не умрет
И в рабство не пойдет!
Мы отомстим за каждый дом,

Который он поджег.
Мы, как один, клянемся в том,
Что близок мести срок.
Не может ворон быть орлом
И выше всех летать,
Не может он своим крылом
До наших звезд достать!
Не может черная змея
Обвить страну мою!
Штык занеси, страна моя,
И приколи змею!

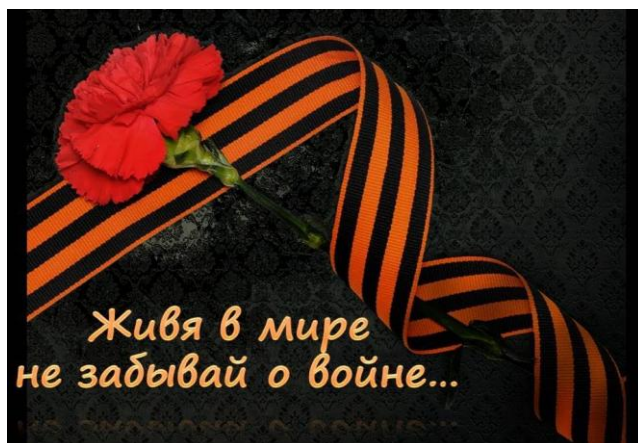
ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

«Два друга»

Дрались по-геройски, по-русски
Два друга в пехоте морской.
Один паренек был калужский,
Другой паренек — костромской.

Они, точно братья, сроднились,
Делили и хлеб и табак.
И рядом их ленточки вились
В огне непрерывных атак...

Но вот под осколком снаряда
Упал паренек костромской.
— Со мною возиться не надо... —
Он другу промолвил с тоской. —

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	3
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ КДУ.....	4
МИРНАЯ ЖИЗНЬ ВОЕННОЙ ПЕСНИ.	
«СПОЕМТЕ, ДРУЗЬЯ!..».....	6
Три танкиста.....	6
Первым делом самолеты.....	7
Священная война.....	8
В землянке.....	9
Тёмная ночь.....	10
Вечер на рейде.....	10
Авиамарш.....	11
Давай закурим.....	12
На безымянной высоте.....	13
Любимый город.....	14
Огонёк.....	14
Нам нужна одна победа.....	15
ПОЭТЫ-ЮБИЛЯРЫ ВОЕННОЙ ЭПОХИ	17
ОЛЬГА ФЕДОРОВНА БЕРГГОЛЬЦ.....	18
АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ.....	27
МАРГАРИТЫ ИОСИФОВНА АЛИГЕР.....	52
КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ.....	59
СТИХИ О ВОЙНЕ ПОЭТОВ-СОВРЕМЕННИКОВ	71
СТЕПАН КАДАШНИКОВ	
Ветер войны.....	71
МИХАИЛ ДУДИН	
Гремят над землёю раскаты.....	71
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ	
А вчера не вернулся из боя.....	72
Братские могилы	73
ЮЛИЯ ДРУНИНА	
Нет, это не заслуга, а удача	73
«Солдатские будни».....	74
АННА АХМАТОВА	
Мужество.....	74
НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ	

Зловещим заревом объятый	75
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ	
«Советские бомбардировщики».....	76
«Три товарища».....	77
«Фашист».....	78
ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ	
«Два друга».....	79

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

ТЕБЕ, ПОБЕДА, ПОСВЯЩАЕТСЯ!..

Методико-репертуарный сборник для КДУ

Подготовлено
Республиканским Домом народного творчества
Министерства культуры Республики Дагестан

РДНТ МК РД
367010, г. Махачкала,
ул. О.Кошевого, 35А
тел.: (8722) 62-99-87, факс: 62-39-68
e-mail: rdnt35@yandex.ru
www.dagfolkkultura.ru